

Леонид Злобинский
Фейсбучная книга
Том 1

УДК 821.161.2
З-68

*Посвящается моим родителям,
Ляле и Вите*

Злобинский Леонид

З-68 Фейсбучная книга. Том 1 / Леонид Злобинский. –
Днепр : ЛИРА, 2018. – 252 стр., ил.

ISBN 978-966-981-015-1
ISBN 978-966-981-016-8

Фейсбучная книга FBB ©, том 1, – новая книга Леонида Злобинского, открывающая новую серию фейсбучных публикаций. Книга (проза) коротких историй о нас с вами, о любви, о горе, о вечном и жизненном, с глубокими эмоциями счастья, нежности, а иногда и внутренней миграции (авторское определение определённого состояния души).

УДК 821.161.2

ISBN 978-966-981-015-1
ISBN 978-966-981-016-8

© Злобинский Л., 2018
© ЛИРА, 2018

От автора

Эта книга о жизни. Эта книга о нас с вами. Эта книга из моей головы, но она обо всех нас.

Большинство, что в ней напечатано, я публиковал на своей странице в ФБ под заголовками «Фэйсбучная книга» FBB (С). Это моя давняя личная придумка. Я бы не издавал её в печатном виде, но многие из вас просили меня об этом. Собственно, я и сам люблю больше держать настоящую книжку в руках, нюхать страницы, листать их, читая, рассматривая иллюстрации, возвращаясь к прочитанным уже текстам. Она долго лежала, ждала своего момента. Я очень благодарен многим моим близким, поддержавшим идею издания. В первую очередь, я хочу выказать безмерную благодарность своим родителям: Ляле и Вите. Спасибо ВАМ, без ВАС бы эта книга не состоялась.

Отдельное спасибо Гарику Корогодскому, Наташе Влащенко, Максиму Бужанскому, Кириллу Харатьяну, Саше Ратнеру, которые прочитали рукопись первыми и написали несколько позитивных строк для нее.

Моему давнему редактору и корректору Анне Новиковой.

Отдельная и важная благодарность Ксении Семак, которая затянула с иллюстрациями, и тем самым дала возможность этой книге вылежаться, родиться ментально и морально. Невероятное спасибо Рыжику за моральную и не только поддержку. Жеке Токареву и Гене Галкину за их пятничные издевательства. Лене Пастернак, Максиму Ковальскому, с которыми я обсуждал идею издания. Моим детям: Давиду и Маше.

Без моих близких Саши Мордереа и Тани Рублевой не было бы самой прикольной обложки в Мире и фотографии автора. Спасибо им за это!

И всем - всем моим читателям. Спасибо ВАМ, мои родные и близкие, и особенно за ваши тёплые, веселые, смешные, иногда саркастические комментарии, которые никогда не оставляли меня равнодушным...

А теперь читайте и знайте, это не бисер :)

С уважением ко всем ВАМ,
всегда ваш,
Лёня Злобинский

Это вторая книга моего ближайшего друга Леонида Злобинского, и мне радостно сознавать, что к первой я приложил руку. Во второй книге торжествует проза жизни – самое увлекательное, что может быть в литературе, если, конечно, речь идет о Леониде Злобинском. Нет, постойте, в прошлой книге были стихи, и тоже было отлично. Нет, минуточку, в нынешней книге тоже есть немного стихов, хотя они и часть прозы жизни, как оно и должно быть.

Важно сказать две фразы. Первая: читатель этой книги познакомится с массой интересных людей. Вторая: всех этих людей, даже не очень приятных, автор любит, потому, собственно, и пишет о них.

И еще одно замечание – прошу прощения, что мешаю приступить к интересному чтению: автор Злобинский стал писать короче и почему-то печальней, хотя чего печалиться, если и без того жизнь прекрасна? Автор вроде прежний, а на самом деле новый; многое из того, что здесь есть, он публиковал у себя на фейсбуке – но получилось нечто больше, чем собрание прозы.

**Кирилл Харатьян,
журналист, выпускающий редактор газеты «Ведомости»,
редактор первой книги Леонида Злобинского
«Пятьдесят первых»**

...Раньше я часто думала: вот этот рассказывает свои истории или поет свои песни – и все мимо кассы. А другой начнет свои байки – и народ слушает, открыв рты. А разница только – в оптике. Небольшой сдвиг в юмор, доброту, радость – и работает, заставляет ржать или вдруг чувствовать предательский ком в горле. В жизни всегда так: надел розовые очки – и она уже любимая. Хоть и не особенно умная, не особенно симпатичная... :))

...Проза Леонида Злобинского – по сути, продолжение довластовских традиций, когда красиво не свистнешь – песню не споешь. Но все это приправлено такой умной, иногда доброй (иногда не очень) самоиронией, что отзывается радостью узнавания в сотнях людей и становится актом (фактом) литературы.

Леня – мой друг. По этой причине мне и легко, и тяжело о нем писать. Как обычно тяжело рассказывать о близких людях с их достоинствами и недостатками. У него в жизни многое получилось. Еще больше не получилось вовсе. Но, в отличие от многих, он живет жизнью путешественника, перемещаясь из страны в страну, кочуя от дома к дому, присаживаясь у разных каминов, встречая рассветы у разных окон. Это прекрасная почва для того занятия, которое ему удастся лучше всего – занятия литературой.

**Наташа Влащенко,
журналист, писатель, телеведущая**

Слово у входа в эту книгу

Перед читателем вторая книга прозы Леонида Злобинского после книги «Пятьдесят первых», переизданная в минувшем году в днепропетровском издательстве «Лири», в которое, с моей легкой руки, он обратился и, надеюсь, не пожалел.

Сразу же оговорюсь: Леонид Злобинский – мой друг, но это вовсе не причина для восхваления его прозы. С другой стороны, он очень талантлив, и это как раз причина, чтобы не прощать ему огрехи.

С теми, кто считает, что Леонид унаследовал дар Божий от деда по материнской линии, известного писателя Александра Былинова (Бейлинова), которого я имел счастье знать в начале 80-х, спорить не стану, хотя считаю, что унаследовать можно не сам дар, а, скорее, склонность к его проявлению.

Злобинский – невероятно интересный и живой собеседник. Точно таким он предстает в этой книге, которую читаешь, и будто слышишь его голос. Человек на удивление мобильный, он взахлёб рассказывает истории из своей жизни, причём во временном интервале они порой разнесены на десятилетия. Только по его публикациям в Facebook можно, и то не полностью, представить, с какой скоростью Злобинский перемещается по миру.

Язык автора на зависть ёмок и лаконичен. Там, где другому понадобится полстраницы текста, он то же самое, и ярче, опишет двумя-тремя короткими фразами, придающими повествованию некую лихость, что ли. Наверное, потому, что форма здесь уходит на второй план – настолько захватывают сюжеты, взятые из реальной жизни, то есть пережитые автором, который нигде не заигрывает с читателем и называет вещи своими именами. Кажется, ничего сложного в манере его письма нет, но попробуйте сами с первых строк, будь то миниатюра-эпизод или рассказ-быль, заставить читателя, не отрываясь, дойти до последней точки. Я не однажды ловил себя на этом и хочу признаться, что так не могу.

Если и есть у меня претензии к автору, то суть их в том, что он, будучи к тому же прекрасным поэтом (первой у него вышла книга стихов «Между телом и душой»), мог бы использовать эту

ещё одну свою ипостась для поэтической окраски прозы, которая, на мой взгляд, от этого лишь выиграла. Но сие, скорее, ... дружеское пожелание на будущее.

Знаю, что Злобинский сомневается в своих литературных способностях, иными словами, занижает самооценку. Очень хочу, чтобы он, а эта книга даёт для этого все основания, поскорей поверил в себя.

И напоследок. Перед нами – то печальная, то веселая, то ироническая – но всегда захватывающая и настоящая проза, в чем читатели убедятся сами и поймут, что я, их покорный слуга, не солгал ни единым словом.

Искренне рад, что эта книга, как и предыдущая, выходит в родном городе автора. Желаю ей долгой и счастливой судьбы, в чем не сомневаюсь.

**Александр Ратнер,
поэт, писатель, переводчик**

СТРАХ

Когда меня отпустили (*entirely made free*), я воспринял это с некоторым сожалением, как ни странно это звучит. Человек, несмотря на свой разум, привыкает ко всему. Скорость привыкания зависит от условий содержания и временной занятости. Это аксиома, которую я сам испытал от начала и до конца.

Почему так? Да потому, что я привык к размеренной и свободной жизни именно там. Это может показаться странным, но мои заметки идут вразрез с устройством общепринятой человеческой жизни на воле и мнимой человеческой свободой. Помните анекдот: «самЭц в неволе не размножается». Тут включается совсем другая психология: ты защищен стенами, тебя никто не дергает, не третирует, кроме местных внутренних авторитетов, но если ты с ними наладил *relation*, то все вокруг просто является позитивным дополнением к ПТКМ (привычной тюремной картине Мира). Этот термин – мое собственное изобретение.

На третий или четвертый день моего пребывания в голландской тюрьме я начал потихоньку понимать происходящее вокруг. Здание. Камера. Расстояния. Коридоры. Люди. Двери. Лестницы. Окна. Решетки. Вид из оконных зарешеченных проемов. Все вокруг меня, включая мою утреннюю гимнастику и первую, натошак, самокрутку без фильтра. Яблочное печенье с черным чаем и кошерный хлеб с маслом и дешевым клубничным джемом.

В детстве я обожал черный хлеб с маслом и сахаром-песком. Вкуснее ничего не было на свете, даже на Луне. И тогда так же – хлеб-масло-джем. Каждый Божий день почему-то сначала мне казалось, что это иллюзия безвременности, произошедшая со мной из-за моего безволия в желании изменить свою свободную жизнь. Если проще – отказаться делать какие-то вещи, которые отражаются от небес и потом возвращаются, раскручиваясь с невероятной отдачей и болью. Неважно, каким образом и с какой скоростью это происходит.

Недалеко от камеры, на стене возле комнаты охраны этажа, висел телефон-автомат. Расписание звонков было составлено заранее, за день до звонка. Десять минут времени разговора с людьми вне стен. Ежедневно. Список – очередность звонков, висел на стене возле аппарата. Звонки – за счет принимающего разговор. Тут же, над телефоном – круглые боль-

шие часы. По ним велся контроль времени разговора самими звонящими. Моя очередь была после огромного темного парня с мышцами как у Рокки. Здесь он был главным. На прогулках – всегда в сторонке от всех. Стайка окружающих его «чижиков». Он стоял ко мне огромной покатоной спиной, как гора, и что-то бубнил на смеси голландского и другого непонятного мне языка. Началось мое время. Прошла минута, другая, а я все не решался его окликнуть. Страх – странное состояние тела и сознания. Мозгом вроде бы понимаешь все, а сделать ничего не можешь. Так и стоишь, словно перед первым прыжком с парашютом. Мне тогда казалось, что прошла вечность от момента моего начального страха и до того, когда я осмелился постучать его по плечу:

– It is my time to call.

Он неспешно повернулся, оглядев меня с головы до ног. Вот это и был как раз момент истины, когда я шагнул «за борт самолёта». Он отвернулся, продолжая разговаривать. Я постучал вновь:

– I have really important phone conversation. Please let me call because it's my time already starting.

Спина еще что-то пробубнила. Затем резко положив трубку на аппарат, он повернулся и ушел по парапету в свою камеру.

После этого, на прогулках, мы часто пересекались с ним взглядами. Он смотрел, а я не отводил взгляд. Как-то даже показалось, что он мне улыбнулся. Уголком верхней губы. Через неделю он позвал меня, когда я проходил мимо его открытой камеры:

– Leo you want apple juice?

Я зашёл к нему. Он взял с полки пакет с яблочным соком. Налил в чашку. Я сделал глоток. Это было крепленое вино. Забытый вкус. Тепло начало медленно растекаться по телу.

– You want more?

Я кивнул. Он налил еще одну порцию. Я залпом осушил ее.

– Take it, – он протянул мне полный пакет.

Я взял пакет. Возникла пауза. Я сидел напротив него на стуле. Это как ехать с кем-то в машине и молчать. Сложно. Хочется обязательно сказать: ох, какие красивые домики, или деревья. Только лишь бы заполнить неловкую паузу. Он первый нарушил молчание:

– You are here because financial trouble. I know. Don't answer. If something happen you are welcome. Don't worry be happy, – он улыбался.

Я лишь ответил:

– Спасибо. – Вышел.

Через некоторое время меня освободили, не найдя состава...

За день до освобождения, после очередного слушания, он зашел ко мне и сказал:

– Завтра тебя отпустят. Отдай мне свой приемник Grundik. Я протянул ему маленький черный радиоприемник, по которому я слушал Русское радио. Тогда еще не провокационное. Не зная, что через пятнадцать лет начнется война с Россией. И что евро будет подниматься и опускаться, словно наш Украинский флаг на маленькой яхте, взятой напрокат в Хорватской марине, а этот телефон и страх останутся так далеко, и так близко, словно берег, до которого все мы должны дойти под парусами, ну хотя бы в полветра...

Zadar, Croatia
16.09.16

ЗА ЖИЗНЬ...

Этот туалет в Хорватской марине маленького городка Шибеника был точь-в-точь, как в Харлемской голландской тюрьме «купол». Меня заставляли тогда, много лет назад, мыть его. Я покорялся распорядку и надраивал маленьким полотером тонкую блестящую напольную плитку. В этом и было основное сходство. Именно в то время я написал свои первые неуклюжие стихи и рассказы. Мне казалось, что я пишу шедевры, и меня это очень возбуждало, держало на плаву в закрытой одиночке. Просыпаясь, я хватал ручку, блокнот и начинал писать.

Уже гораздо позже мой отец в письме ко мне, с теплой отцовской поддержкой, написал: человека обязательно должно что-то стукнуть по голове, чтобы в нем открылся какой-нибудь талант. Он мне льстил и продолжает (иногда) до сих пор.

Тогда, поздним вечером, камеры-одиночки были уже закрыты. Я зажег свечу, стоящую в горшочке с засохшей хвоей, навел уют. Близился мой любимый Кристмас. Засел за «графоманство». Тяжелая металлическая дверь отворилась. На пороге стоял директор «купола», небольшого рощика, с залысинами, крепкий улыбчивый дядька: – Пойдемте, я покажу вам тюрьму изнутри, – улыбочиво обратился он ко мне.

Я опешил, не ожидая такого поворота. Наспех отложил свою писанину.

– У нас по оснащению и по степени отношения к заключенным тюрьма занимает одно из первых мест в Европе. Это по рейтингу компании ВВС. Они приезжали к нам и делали свой коммерческий репортаж.

Он пропустил меня вперед в узком проходе в комнату видеонаблюдения. Пространство было заставлено мониторами. За одним из них дремал здоровенный охранник.

– А почему Вы мне это решили показать? Зачем вся эта экскурсия?

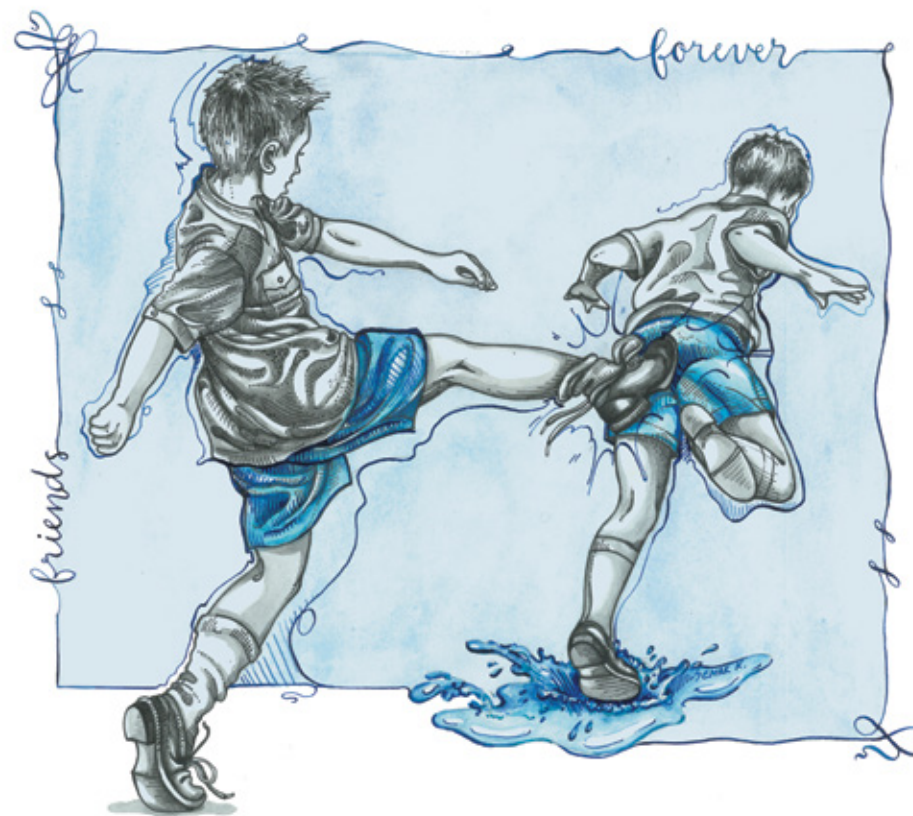
– Мы знаем, что вы пишете каждый день, много часов. Вы же ведете дневник? Так?

– И дневник тоже, но в основном я пишу стихи, – ответил я, улыбувшись.

Я не хочу, чтобы вы сгущали краски в своих записях. Мы порядочное исправительное учреждение. И я прекрасно знаю и понимаю, кто здесь кто. У меня за много лет глаз стал наметан.

Потом он стал мне рассказывать про своих детей, двух сыновей, как он с ними пробовал курить гашиш, дабы не запрещать, а делать правильный выбор. Так мы ходили с ним около часа, болтая за жизнь, иногда он рассказывал анекдоты, которых я сейчас уже не помню... А вот туалет вспомнил, особенно плитку. Тонкую и блестящую, выдраенную до блеска маленьким полотером, и в Хорватском яхтенном порту тоже...

Шибеник, Хорватия
14.09.16

ПОДЖОПНИК

Мне запомнился один день 1 сентября при переходе из восьмого в девятый. И вот чем! Был у меня товарищ в классе по кличке Буба. На самом деле имя его прозаичное – Саша. Саша Буба был не просто одноклассником, а сидел со мной за одной партой. Парта была первая в левом крайнем ряду, прямо перед учительским столом. Вернее, под ним, потому что стол находился на возвышении, а парта наша – под ним. Учителям не было видно, чем мы там занимаемся. А занимались мы всем, только не гранитом науки. Мы устраивали перекусы, раскладывая на виду у всего класса сырки, печеньки, бутерброды, яйца, сваренные вкрутую. Настоящим «ланчевым» шедевром были пирожные «лето», покрытые белой сахарной глазурью, с лимонадом. У всех текли слюнки. Мы резались в домино, в карты на щелбаны. В общем, мы веселили класс, как могли. Из нас двоих я был более успевающим, зато Буба хо-